

A romantic scene featuring a bride and groom at night. The bride, with long dark hair and eyes closed, is wearing a white lace wedding dress and veil. She is being embraced from behind by the groom, whose face is partially visible in profile. They are standing in front of a city skyline at night, with warm, golden light reflecting off the water or a wet surface, creating a bokeh effect. The overall mood is intimate and tender.

*Второй шанс
увидеть
любовь*

Анна Делман

Анна Делман

Второй шанс увидеть любовь

«Автор»

2026

Делман А.

Второй шанс увидеть любовь / А. Делман — «Автор», 2026

Семь лет назад он пообещал позвонить — и исчез. Семь лет она ждала, ненавидела и училась жить в темноте: прогрессирующая слепота не оставила выбора. Теперь Дарья передвигается с белой тростью и различает лишь смутные силуэты. Но однажды на шумной улице она узнаёт его — по запаху духов. Тот самый Кирилл, её первая любовь, богатый наследник, которого она давно похоронила в своём сердце. Он не сдержал слово. И теперь, столкнувшись с ней лицом к лицу, слышит только гнев и боль. А ещё узнаёт: ей срочно нужна операция, иначе она ослепнет навсегда. Денег у Дарьи нет. Кирилл готов заплатить — но она скорее потеряет зрение, чем примет от него помощь. Слишком велика обида, слишком глубок страх снова поверить и обжечься. Это история о втором шансе, о любви, которая сильнее гордости и вины, о том, как важно увидеть сердцем — даже когда глаза подводят.

© Делман А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Запах прошлого	5
Глава 2. Семь лет тишины	8
Глава 3. Приговор	12
Глава 4. Анонимный жест	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анна Делман

Второй шанс увидеть любовь

Глава 1. Запах прошлого

Октябрь в городе пах прелой листвой, сырым асфальтом и едва уловимым дымом чьих-то далёких костров. Дарья любила осень не за краски — их она уже почти не различала, — а за звуки. Шорох листьев под ногами, стук каблуков по тротуару, приглушённый гул машин, доносящийся с проспекта. За эти годы она научилась видеть иначе: не глазами, а кожей, ушами, кончиками пальцев. Мир стал плотнее, ближе, интимнее. И всё же она ненавидела толпу.

Белая трость легко постукивала по асфальту, вычерчивая знакомый маршрут от остановки до подъезда. Дарья шла быстро, почти уверенно — она прошла этот путь сотни раз. Слева от неё шумел рынок с его криками зазывал и запахом переспелых фруктов, справа тянулась череда витрин, из которых доносилась то тихая музыка, то обрывки разговоров. Она привыкла к этому хаосу, научилась отделять важное от фонового шума.

Сегодня был хороший день. Зрение, как всегда, колебалось: иногда по утрам она могла различить контур окна или светлое пятно лица собеседника, а иногда всё тонуло в плотном молочном тумане. Сейчас был именно такой день — почти полная слепота, лишь смутные тени проплывали перед глазами, как рыбы в мутной воде. Но Дарья не злилась. Она давно перестала задавать себе вопрос «за что?». Остался только один вопрос — «как жить дальше?». И она нашла на него ответ.

Массаж. Её руки стали её вторыми глазами. Они чувствовали то, чего не видели глаза: напряжение в мышцах, неровности кожи, тепло человеческого тела. Клиенты ценили её не за зрение, а за интуицию и силу прикосновения. Работа давала ей независимость, а независимость — гордость. И всё же сегодня внутри что-то саднило. Дарья списала это на перемену погоды.

Она замедлила шаг у перекрёстка, прислушиваясь к звуку светофора. Пискнул разрешающий сигнал для пешеходов — она сделала шаг с бордюра, когда слева раздался резкий мужской голос:

— Нет, я сказал, что этот контракт не будет подписан без твоего участия. Перестань спорить, Андрей. Всё, я перезвоню.

Голос был раздражённым, деловым, и в тот же миг что-то грубо ударило её в плечо. Тело человека, идущего навстречу и одновременно говорящего по телефону, не заметившего её. Дарья вскрикнула, трость выскользнула из пальцев, она покачнулась, теряя равновесие. Сильные руки подхватили её за локоть, удержали от падения.

— Простите, ради бога! — голос стал ближе, теперь в нём звучала искренняя тревога. — Я вас не заметил. Вы в порядке?

Он всё ещё придерживал её за локоть, и его пальцы были горячими, широкими. Дарья хотела резко ответить, что нужно смотреть, куда идёшь, но слова застряли в горле. Потому что в следующую секунду её накрыл запах.

Сандал.

Цитрус.

Лёгкая горчинка мускуса.

Этот аромат врезался в неё, как удар под дых. Мгновенно, безжалостно, он распахнул дверь в прошлое, которое она старательно запирала семь лет. Дарья замерла, перестав дышать. Она знала этот запах. Она могла бы узнать его среди тысячи других, даже если бы её нос заложило, даже если бы она умирала.

Сандал и цитрус. Его запах. Запах Кирилла.

Она не видела его лица, но вдруг услышала, как он замолчал. Как напряглись его пальцы на её локте. Как изменился ритм его дыхания.

— Дарья? — голос прозвучал неуверенно, почти шёпотом. — Дарья, это ты?

Она не ответила. Язык будто прилип к нёбу. Сердце колотилось где-то в горле, и она боялась, что он услышит этот бешеный стук. В голове взорвалась целая буря: семь лет, семь чёртовых лет тишины. И вот он стоит здесь, перед ней, с этим же проклятым парфюмом, который она так и не смогла забыть.

— Это я, Кирилл, — он произнёс своё имя так, будто оно имело значение, будто она могла его забыть. — Боже, сколько лет...

— Отпусти меня, — голос Дарьи прозвучал хрипло, но твёрдо. Она резко выдернула локоть из его хватки.

Он не сразу разжал пальцы, словно не веря, что это происходит.

— Дарья, я... я так рад тебя видеть, — он осекся, потому что в этот момент, очевидно, заметил трость, которую она успела поднять с тротуара. — Что с твоими глазами?

Она не видела, но почувствовала, как он смотрит на её белую трость, на её лицо, слегка повернутое в сторону звука его голоса. Как он складывает два и два.

— А ты как думаешь? — её губы скривились в горькой усмешке. — Я почти ослепла, Кирилл. Поздравляю, ты выбрал отличный момент, чтобы воскреснуть.

Он молчал. Дарья слышала, как он сглотнул. Как его дыхание стало рваным.

— Дарья, я... я не знал. Я понятия не имел...

— Конечно, ты не знал, — перебила она, и её голос начал звенеть. — Ты вообще ничего не знал! Ты просто исчез. Растворился. Семь лет, Кирилл. Семь лет!

Она не собиралась этого говорить. Она собиралась развернуться и уйти, гордо подняв голову. Но слова вырвались сами, как лава из вулкана, который спал слишком долго.

— Дарья, дай мне объяснить...

— Объяснить? — она горько рассмеялась. — Что ты можешь объяснить? Что потерял телефон? Что был занят? Что твоя богатая семья не разрешила тебе общаться с полуслепой девчонкой из бедной семьи?

— Это не так...

— Ты обещал позвонить! — она почти кричала, и прохожие начали оборачиваться. Дарья не заботилась об этом. Вся боль, которую она годами заталкивала вглубь, вырывалась наружу, как дикий зверь. — Ты дал мне свой номер. Ты сказал: «Я позвоню, когда буду в армии. Я не забуду». И я ждала. Я ждала каждый день. Каждый чёртов день, Кирилл!

Она почувствовала, как дрожат её губы, и сжала зубы, чтобы не расплакаться. Не сейчас. Только не перед ним.

— Я звонила тебе, — продолжала она тише, но в этом шёпоте было больше яда, чем в крике. — Я писала. Сначала каждый день, потом раз в неделю, потом раз в месяц. А потом... потом я поняла, что ты просто не хочешь отвечать. Что я для тебя — никто.

— Дарья, послушай...

— Нет, это ты послушай! — она шагнула вперёд, сокращая расстояние между ними, и он невольно отпрянул. — Ты разбил мне сердце. Я не спала ночами, думая, что сделала что-то не так. Что я недостаточно хороша для тебя. Что мои глаза — это проклятие, из-за которого ты не захотел со мной быть.

Он попытался взять её за плечи, но она оттолкнула его руки.

— Не трогай меня!

— Прости, я... я не знал, что ты так переживала, — его голос дрожал. — Я думал, ты забыла обо мне. Я думал...

— Ты думал? — она снова усмехнулась, и эта усмешка была полна презрения. — Ты вообще не думал! Ты был слишком занят своей идеальной жизнью, чтобы вспомнить о девочке, которой обещал позвонить.

Вокруг них уже собралась небольшая толпа. Кто-то шептался, кто-то снимал на телефон. Дарья не видела, но чувствовала их любопытные взгляды, и ей стало тошно.

— Я виноват, я знаю, — Кирилл говорил быстро, словно боялся, что она уйдёт. — Но я могу всё объяснить. Пожалуйста, дай мне шанс. Давай поговорим где-нибудь...

— Разговор окончен, — отрезала она. — Ты мне никто. И больше никогда не будешь.

Она развернулась и пошла прочь. Трость стучала по асфальту с каждым шагом, как метроном. Она шла быстро, слишком быстро для человека, который почти не видит, но ей было всё равно. Лишь бы подальше от него. Лишь бы не слышать его голос. Лишь бы не вдыхать этот проклятый запах, который до сих пор стоял у неё в носу.

— Дарья! — он крикнул ей вслед. Она не обернулась.

Только когда она свернула за угол, то позволила себе остановиться. Прислонилась спиной к холодной кирпичной стене и закрыла глаза. Слёзы наконец прорвались. Они катились по щекам, горячие и злые, оставляя за собой солёные дорожки. Она плакала о семнадцатилетней девочке, которая верила в обещание. О семи годах, потраченных на то, чтобы собрать себя по кусочкам. О том, что запах сандала и цитруса до сих пор имеет над ней власть.

Прохожие обходили её стороной, видя плачущую слепую женщину с тростью. Кто-то из жалости спросил, не нужна ли помощь. Она мотнула головой и пошла дальше.

Кирилл остался стоять на том же месте. Он смотрел ей вслед, пока её силуэт не растворился в потоке людей. В его груди разливалась свинцовая тяжесть вины. Он хотел броситься за ней, но ноги будто приросли к асфальту.

Она права. Он не сдержал слово. И теперь, видя её с белой тростью, слыша её полный боли голос, он понимал, что просто «извини» здесь недостаточно.

Он медленно поднял с земли её перчатку, которую она обронила, когда вскидывала руки. Поднёс к лицу. Пахло её духами — лёгкими, цветочными, с ноткой пудры. Он сжал перчатку в кулаке и убрал в карман пальто.

— Я не потеряю тебя снова, — прошептал он сам себе, но слова унесло ветром.

А по улице, не оглядываясь, уходила Дарья, и её трость отбивала ритм, похожий на биение разбитого сердца.

Глава 2. Семь лет тишины

Дарья не помнила, как добралась до дома. Всё произошло будто в тумане: знакомый маршрут, повороты, ступеньки, ключ в замочной скважине — тело делало всё само, на автопилоте, пока сознание барахталось в липкой вязкости прошлого. Она закрыла за собой дверь, прислонилась к ней спиной и медленно сползла вниз, пока не оказалась сидящей на холодном полу прихожей.

В квартире было тихо. Только холодильник гудел где-то на кухне да ветер постукивал веткой по окну. Дарья обхватила колени руками и уткнулась в них лицом. Слезы уже высохли, оставив на щеках неприятное ощущение стянутости, но внутри по-прежнему бушевала буря.

Она ненавидела его. Ненавидела за то, что он сделал с ней. Но ещё больше ненавидела себя за то, что спустя семь лет один лишь его запах сумел вывернуть её наизнанку.

— Дура, — прошептала она в темноту, и это слово прозвучало как приговор. — Какая же ты дура, Дарья.

Она просидела так, наверное, полчаса. Потом заставила себя подняться, снять пальто и обувь, пройти на кухню и поставить чайник. Обычные действия успокаивали. Она знала свою квартиру на ощупь до мельчайших деталей: здесь чашка, здесь полка с чаем, здесь банка с сахаром. Привычный ритуал помогал вернуть контроль над собственным телом.

Но когда она села за стол с кружкой горячего чая, то вдруг почувствовала, как внутри что-то надломилось. Пальцы задрожали, и она крепко сжала кружку, чтобы унять эту дрожь.

Он был там. Настоящий. Живой. Стоял в двух шагах от неё, держал за локоть и смотрел на её трость расширенными от ужаса глазами.

Она не видела его лица, но знала, что он выглядит именно так. Потому что чувствовала, как изменилось его дыхание, как напряглись мышцы руки, как он замер, будто увидел призрака.

Призрак. Да, именно так. Она и была для него призраком из прошлого, который вдруг обрёл плоть и кровь.

Дарья встала и пошла в спальню. Там, в нижнем ящике комода, под грудой старых свитеров и ненужных вещей, лежала обувная коробка. Она знала, что это нехорошо — хранить то, что давно пора выбросить. Но рука не поднималась. Теперь она достала эту коробку, поставила на кровать и открыла.

Сверху лежала фотография. Дарья не могла разглядеть её детали — только смутное светлое пятно лица и тёмное пятно волос — но она знала каждую чёрточку этого снимка наизусть. Школьный выпускной. Она и Кирилл стоят у фонтана. Он обнимает её за плечи и улыбается. Она щурится от солнца и смеётся. Тогда её зрение уже ухудшалось, но ещё позволяло видеть его лицо.

Она провела пальцами по глянцевой поверхности фотографии, словно надеясь нащупать его черты. Пальцы помнили.

Под фотографией лежали вещи, от которых она так и не смогла избавиться: билет в кино, который он купил ей на их первый и единственный совместный поход; брелок с его именем, который она когда-то повесила на ключи и носила до тех пор, пока не стало слишком больно; обёртка от конфеты, которую он дал ей в школьном коридоре, когда она плакала из-за очередной насмешки одноклассников. Глупые, нелепые сувениры. Но каждый из них был пронизан памятью.

Дарья взяла фотографию и поднесла к глазам — так близко, что её губы почти касались глянца. Она всё ещё надеялась разглядеть хоть что-то, но мир упорно оставался мутным. Тогда она прижала снимок к груди и закрыла глаза.

Флешбек

Школа была для неё не самым радостным местом. Дарья рано поняла, что быть не такой, как все, — значит постоянно защищаться. Её зрение начало ухудшаться классе в седьмом. Врачи говорили что-то о пигментном ретините, о том, что болезнь будет прогрессировать, что лечения нет, что нужно учиться жить с этим. Но в тринадцать лет жить с этим не хотелось. Хотелось быть нормальной: видеть надписи на доске, не щуриться, не подходить вплотную к витринам, не натекать на стулья.

Она научилась скрывать. Садилась всегда на первую парту, притворяясь, что так лучше слышно учителя. Списывала с одноклассников, потому что не видела доску, даже с первой парты. Дома учила всё наизусть, потому что не могла читать мелкий шрифт. И улыбалась. Всегда улыбалась, чтобы никто не догадался.

Но Кирилл заметил.

Он сидел через три парты от неё — красивый, уверенный, из тех, кто всегда окружён друзьями. Дарья и не мечтала с ним заговорить. Но однажды, на перемене, когда она в очередной раз споткнулась о чей-то рюкзак, оставленный в проходе, и чуть не упала, он оказался рядом. Поймал её за плечо, помог выпрямиться и тихо спросил:

— Ты плохо видишь?

Это был не вопрос даже, а утверждение. Дарья тогда испугалась до смерти. Хотела отшутиться, сказать, что просто не заметила, но он смотрел на неё так серьёзно, что врать не получилось.

— Немного, — выдавила она.

— Я заметил, — сказал он просто. И это «я заметил» прозвучало как «я вижу тебя».

С того дня Кирилл стал её негласным защитником. Он никогда не выставлял напоказ свою заботу. Просто начинал идти рядом, когда она шла по коридору, и мягко брал её за локоть, если впереди было препятствие. Просто смотрел на одноклассников таким взглядом, что те переставали над ней смеяться. Просто однажды предложил помочь с уроками, потому что знал, что ей тяжело.

Дарья влюбилась быстро и бесповоротно. Разве можно было не влюбиться? Он был умным, добрым, красивым. От него пахло сандалом и цитрусом — дорогим парфюмом, который он начал носить ещё в старших классах. Этот запах стал для неё синонимом безопасности. Когда она слышала его, то знала: Кирилл рядом. Всё будет хорошо.

Они стали близки. Не встречались в привычном смысле — он не был её парнем, но между ними было нечто большее, чем дружба. Тёплые взгляды, случайные прикосновения, разговоры до позднего вечера по телефону. Он рассказывал ей о своей семье, о давлении со стороны отца, о том, что чувствует себя запертым в золотой клетке. Она слушала и понимала: у каждого свои тюрьмы.

Потом настал выпускной. А через месяц его призвали в армию. Дарья помнила тот день до мельчайших деталей: жаркий июльский вечер, запах сирени, его рука в её руке. Они стояли на мосту через реку, и Кирилл смотрел на неё так, словно хотел запомнить каждую черточку её лица.

— Я позвоню тебе из армии, — сказал он, и его голос звучал твёрдо. — У меня будет возможность. Не часто, но будет. Я обещаю.

— Только не забудь, — попросила она, улыбаясь.

— Я не забуду, — он сжал её ладонь. — Вот мой номер. Напиши мне первой, чтобы я знал твой. И жди звонка.

Она взяла клочок бумаги с его номером. Это был самый ценный клочок бумаги в её жизни.

А потом он ушёл. И наступила тишина.

Конец флешбека

Дарья не знала, сколько длилась эта тишина. В её памяти она растянулась на бесконечность. Сначала она ждала с радостью и трепетом: он позвонит, он обещал. Каждый раз, когда телефон вибрировал, её сердце подскакивало, а в груди вспыхивала надежда. Но это был не он. Мама, подруга Лена, кто-то из старых знакомых — но не Кирилл.

Она написала ему первой, как он просил. Дважды. Трижды. Десять раз. Сообщения оставались без ответа. Телефон молчал.

Через месяц она начала паниковать. Может, он не получил? Может, с ним что-то случилось? Она узнала у знакомых, что Кирилл жив и здоров, что служит в армии, что у него всё хорошо. Значит, он просто не хотел ей писать.

Эта мысль была невыносимой.

Дарья продолжала писать ещё какое-то время — уже реже, но с отчаянной надеждой. Она не была навязчивой, не писала длинных признаний, просто спрашивала: «Как ты? Почему молчишь?» Но ответа не было.

Потом пришла злость. За ней — горечь. Потом — пустота.

Прошёл год. Она перестала писать. Удалила его номер из телефона, но знала его наизусть до сих пор — эти цифры выжглись в памяти. Она пыталась ненавидеть его, но ненависть не приживалась. Слишком сильна была любовь, которая жила в ней, как нож, вонзённый в сердце.

Когда врачи сказали, что зрение продолжает падать, Дарья почти не удивилась. Будто внутри неё кто-то зловеще шептал: «А чего ты ждала? Это было предсказуемо». Она начала учиться жить в сумерках, а потом в почти полной темноте. Купила трость. Освоила массаж. Выстроила новый мир, в котором Кириллу не было места.

И вот теперь он вернулся.

Дарья отложила фотографию обратно в коробку и закрыла её. Встала с кровати, подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Она не видела того, что снаружи, но чувствовала дыхание осени: запах мокрой земли, дыма, чьих-то духов, случайно пролетевших мимо.

Она ненавидела себя за то, что до сих пор помнит его запах. За то, что одно только дуновение сандала и цитруса способно было обрушить семь лет работы над собой.

— Я не позволю тебе снова сломать меня, — прошептала она в холодное стекло. — Ни за что.

В этот же вечер Кирилл сидел в своей квартире, в той части города, где окна выходят на парк и где тишина стоит такая плотная, что, кажется, её можно резать ножом. Он не включал свет, и комната тонула в синих сумерках.

Перед ним на столе лежала перчатка Дарьи. Он смотрел на неё уже, наверное, час, не в силах отвести взгляд. Простая серая перчатка, слегка поношенная, с маленькой дырочкой на большом пальце. Он сжимал её в руке, как будто этот кусочек шерсти мог дать ему ответы на все вопросы.

Встреча с Дарьей перевернула его мир. Он давно не вспоминал о ней — во всяком случае, так ему казалось. Пытался забыть, вычеркнуть из памяти те месяцы, когда она писала ему, а он не знал, что ответить. Но теперь, увидев её с белой тростью, услышав, сколько боли в её голосе, он понял, что никогда по-настоящему не забывал.

Он встал, прошёл к окну и уставился на тёмные кроны деревьев. Память услужливо подкидывала ему картинки прошлого: школьные коридоры, её смех, её глаза — огромные, зелёные, с золотыми крапинками. Он помнил, как смотрел в них и думал, что может утонуть.

Тогда, перед армией, он был молод и глуп. Он верил, что сможет всё: позвонить, написать, сохранить их связь. Но реальность оказалась жёстче. В армии у него действительно не было телефона первые месяцы — у него забрали всё. А потом, когда вернули, он не знал, как

объяснить это Дарье. Написал один раз, но сообщение не отправилось — не было сети. Потом что-то случилось с сим-картой. Потом его перевели в другую часть.

А потом он просто сдался.

Он помнил, как думал: «Она, наверное, уже забыла меня. Нашла кого-то получше». Эта мысль приносила облегчение. Если она забыла, значит, он не обязан ничего объяснять. Если она счастлива — значит, его молчание не имело значения.

Так он убедил себя, что всё в порядке. Что он не подлец, а просто реалист.

Теперь, глядя на перчатку, Кирилл понимал, что всё это было самообманом.

Он взял телефон и набрал номер общего знакомого — Андрея, с которым они когда-то учились вместе.

— Андрей, привет. Это Кирилл. Слушай, ты помнишь Дарью Соколову? Да, ту самую, с параллельного класса. Что с ней случилось? Почему она почти ослепла?

Андрей долго мялся, не хотел говорить. Но Кирилл умел настаивать. Через полчаса он знал всё: пигментный ретинит, прогрессирующее ухудшение, недавний визит к врачу, где ей сказали, что без операции она окончательно ослепнет в течение года. Операция стоит бешеных денег. Таких денег у Дарьи нет.

Кирилл слушал, и в его груди что-то ледяное сжималось всё сильнее. Он был богат. Его семья владела сетью клиник и несколькими бизнесами. Для него эта сумма была незначительной. Он мог бы оплатить операцию хоть завтра.

Но дело было не в деньгах. Дело было в том, что он опоздал. На семь лет. И эти семь лет могли стоить Дарье зрения.

Он поблагодарил Андрея и положил трубку. Прошёлся по комнате. Внутри боролись два чувства: жгучая вина и странная, почти незнакомая решимость.

Он не мог вернуть прошлое. Не мог стереть те годы, когда она ждала его звонка. Но он мог сделать хоть что-то сейчас.

— Я помогу тебе, Дарья, — произнёс он в темноту. — Даже если ты этого не захочешь.

Он снова взял телефон и начал искать контакты офтальмологов, знакомых, которые могли бы дать совет. Он не знал, как к ней подступиться после всего, что было. Но он знал одно: он не собирается исчезать снова.

На столе лежала её перчатка, как немой укор. Кирилл взял её, поднёс к лицу и вдохнул едва уловимый запах — лёгкий, цветочный, с ноткой пудры. От этого запаха внутри что-то перевернулось.

— Я найду тебя, — прошептал он. — И сделаю всё, чтобы ты снова увидела мир.

Глава 3. Приговор

Утро началось с головной боли. Тупой, давящей, поселившейся где-то за правым глазом. Дарья проснулась от того, что солнечный луч — слабый, октябрьский, едва тёплый — пробрался сквозь шторы и упал ей на лицо. Она поморщилась и перевернулась на другой бок, надеясь, что боль уйдёт. Но та лишь усилилась.

«Сегодня к врачу», — вспомнила она, и внутри всё сжалось.

Этот визит был плановым, очередной осмотр, который она проходила раз в несколько месяцев. Ничего особенного, говорила она себе. Врач посмотрит, скажет, что зрение стабильно, выпишет очередную порцию бесполезных капель и отпустит домой. Так было уже много раз. И всё же что-то внутри неё противилось этому походу. Словно интуиция — а Дарья давно научилась доверять своей интуиции, обострившейся за годы слепоты, — шептала: «Не ходи».

Но она пошла.

Завтракала механически: овсянка, чай, банан. Ела, не чувствуя вкуса, потому что мысли были заняты другим. Вчерашняя встреча с Кириллом до сих пор не отпускала. Она снова и снова прокручивала в голове их разговор, его голос, его прикосновение к её локтю. И этот проклятый запах, который всё ещё мерещился ей повсюду.

— Хватит, — сказала она вслух пустой кухне и с силой опустила чашку на стол. — Забуду его.

Но забыть не получалось.

Она оделась тщательно, как всегда: тёмно-синее пальто, шарф, перчатки. Обувь выбрала удобную, на низком каблуке. Трость лежала в прихожей, прислонённая к стене, — её верная спутница последних четырёх лет. Дарья взяла её, провела ладонью по гладкому корпусу. Иногда она ненавидела эту трость. Иногда была благодарна. Сегодня — ненавидела.

Дорога до клиники заняла сорок минут. Она ехала на автобусе, сидя у окна и прислушиваясь к объявлению остановок. Город за стеклом проносился мимо, но для неё он был всего лишь смазанной серой полосой. Она различала только смену освещения: то ярче, то темнее, то снова ярче. Как будто кто-то играл с выключателем.

В автобусе пахло бензином и чьим-то дешёвым парфюмом. Дарья сморщила нос. Когда-то запахи были её главным ориентиром, но иногда они становились невыносимыми. Особенно сегодня. Особенно если в них мерещился сандал.

Клиника встретила её гулом голосов и стерильной прохладой. Дарья хорошо знала это место — она приходила сюда уже несколько лет. Знала, что на ресепшене сидит женщина с высоким голосом, которая всегда говорит слишком быстро. Знала, что лифт едет на третий этаж и останавливается с лёгким толчком. Знала, что в коридоре стоит пластиковый стул с треснувшей спинкой, на который она обычно садилась, ожидая вызова.

Сегодня всё было как всегда. И всё было не так.

Врача звали Игорь Петрович. Он был мужчиной лет пятидесяти, с мягкими манерами и тихим голосом. Дарья доверяла ему настолько, насколько вообще могла доверять врачам. Он никогда не обещал чудес, но всегда был честен. И эта честность сейчас пугала её сильнее всего.

— Проходите, Дарья. Присаживайтесь.

Она опустилась на стул, положила трость на колени. Спина выпрямлена, подбородок слегка приподнят — привычная поза человека, который привык скрывать страх.

— Ну, как ваше самочувствие? — начал Игорь Петрович.

— Нормально, — ответила она, хотя это было ложью. — Иногда головные боли, но я уже привыкла.

— Часто?

— Последнее время чаще.

Врач помолчал. Дарья услышала, как он перелистывает какие-то бумаги на столе. Этот шорох показался ей зловещим.

— Дарья, я хочу, чтобы вы знали: я вам скажу прямо, без прикрас. Хорошо?

Её сердце упало. Вот оно. То, чего она боялась.

— Да, — произнесла она, и голос предательски дрогнул.

— Мы провели обследование, результаты пришли вчера. К сожалению, процесс прогрессирует быстрее, чем мы ожидали. За последние полгода произошло значительное ухудшение. Если ничего не предпринять, в течение года — максимум полутора — вы полностью потеряете зрение.

Он сказал это так буднично, словно сообщал прогноз погоды. Но для Дарьи эти слова прозвучали как гром среди ясного неба.

Она не сразу осознала. В её голове как будто что-то щёлкнуло, и мир на мгновение замер. Полностью потеряет зрение. Совсем. Никаких световых пятен, никаких расплывчатых силуэтов. Только темнота. Вечная.

— Но... — её голос сорвался. — Вы говорили, что процесс медленный. Вы говорили, что у меня есть ещё лет десять...

— Я ошибался, Дарья. К сожалению, такие случаи непредсказуемы. Но есть и хорошая новость.

Она горько усмехнулась:

— Хорошая? В этом всё есть хорошая новость?

— Есть. Появилась новая методика — экспериментальная, но очень перспективная. Имплантация бионической сетчатки. Она позволяет восстановить зрение до уровня, достаточного для полноценной жизни. Не идеальное, но вы снова сможете видеть лица, читать, ходить без трости.

Дарья вскинула голову. Надежда, как ядовитый плющ, обвила её сердце, но тут же сжала его, потому что она знала, что последует дальше.

— Сколько это стоит? — спросила она тихо.

Игорь Петрович вздохнул. Этот вздох сказал больше любых цифр.

— Это дорого. Очень дорого. Оборудование закупается за рубежом, операцию проводят только в нескольких клиниках страны, и специалисты берут за свою работу большие деньги. В вашем случае... я прикидывал... нужно примерно от восьми до десяти миллионов рублей. Плюс реабилитация.

— Сколько? — переспросила она, хотя расслышала с первого раза.

— Восемь-десять миллионов, Дарья. Это без учёта послеоперационного наблюдения.

Восемь-десять миллионов. Для неё это была космическая сумма. Она работала массажисткой, получала в месяц около пятидесяти тысяч, из которых половина уходила на аренду квартиры и коммунальные. Откладывать получалось совсем немного — то на одну нужду, то на другую. Собрать такие деньги она не смогла бы и за десять лет.

— Есть ли какие-то альтернативы? — спросила она, цепляясь за последнюю соломинку. — Может, какие-то фонды, господдержка, квоты?

— Квоты выделяются на обычные операции, а эта — экспериментальная. Фонды, возможно, могли бы помочь, но обычно они берут детей или людей с более тяжёлыми сопутствующими заболеваниями. В вашем случае шансы на получение гранта малы. Хотя попробовать можно.

«Малы», — повторила она про себя. Как приговор.

— И сколько у меня времени? — спросила она, когда тишина стала невыносимой.

— Чтобы остановить процесс и сохранить шанс на восстановление, операцию нужно провести в ближайшие полгода. Чем раньше, тем лучше. После этого начнутся необратимые изменения, и даже бионическая сетчатка не поможет.

Полгода. Шесть месяцев. Сто восемьдесят дней, чтобы найти десять миллионов.

Дарья почувствовала, как её лицо немеет. Она прикусила щёку изнутри, чтобы не плакаться прямо в кабинете. Не сейчас. Не здесь.

— Я поняла, — произнесла она ровно. — Спасибо за откровенность.

— Дарья, я понимаю, как это тяжело...

— Нет, — она резко покачала головой. — Не надо. Не говорите, что вы меня понимаете.

Она встала со стула, опираясь на трость, и направилась к двери. Врач что-то говорил ей вслед, но она уже не слышала. Ей нужно было выбраться из этого кабинета, из этой клиники, из этого дня.

Она вышла в коридор, и только тогда позволила себе вздохнуть. Воздух ворвался в лёгкие, как ледяная вода. Она прислонилась к стене и зажмурилась, хотя это ничего не меняло — темнота была везде.

Слёзы подступили, но Дарья сдержала их. Она заставила себя идти. Шаг за шагом, по знакомому коридору, мимо лифта, к лестнице. Она не стала ждать лифт, потому что боялась, что замкнутое пространство спровоцирует панику. Спускалась пешком, считая ступеньки: десять, двадцать, тридцать. Знакомый ритм успокаивал.

Только на улице, когда холодный воздух ударил ей в лицо, слёзы прорвались. Они текли по щекам, обжигая, и она не вытирала их. Ей было всё равно. Пусть видят. Пусть смотрят. Какая разница, что о ней подумают?

Она отошла в сторону от входа, чтобы не мешать, и остановилась у какой-то стены. Прижалась к ней лбом и тихо застонала.

Десять миллионов. Десять. Миллионов.

Цифра пульсировала в мозгу, как набат. Она не знала никого, кто мог бы дать ей такие деньги. Лена? Нет, у Лены самой ипотека и двое детей. Родители? Их давно нет в живых. Другие родственники? Их почти не осталось.

Она достала телефон, на ощупь нашла контакт Лены и нажала вызов. Подруга ответила после третьего гудка.

— Дарья, привет! Ты из клиники? Как всё прошло?

Голос Лены был бодрым, но Дарья не могла ответить. Из горла вырвался только всхлип.

— Дарья? Ты чего? Что случилось?

— Лена, — выдавила она, — я... мне кажется, я скоро совсем ослепну.

— Что? Подожди, не плачь. Ты где? Я приеду.

— Нет, не надо. Я просто... мне нужны деньги, Лен. Десять миллионов. На операцию. Иначе через год я вообще ничего не увижу.

В трубке повисла тишина. Потом Лена произнесла растерянно:

— Десять миллионов?.. Дарья, у меня нет таких денег. Ты же знаешь, мы с мужем еле сводим концы с концами. Я бы рада, но...

— Я знаю, — прошептала Дарья. — Я не прошу. Просто... мне нужно было сказать кому-то.

— Мы что-нибудь придумаем, слышишь? Напишем во все фонды, объявим сбор. Может, получится.

— Может, — без надежды повторила она. — Ладно, я пойду. Позже наберу.

Она сбросила вызов, сунула телефон в карман и вытерла слёзы. Ткань перчатки была грубой, неприятной. Она стащила перчатку с правой руки и вытерла лицо голой ладонью.

В этот момент она не знала, что за ней наблюдают.

Кирилл стоял на противоположной стороне улицы, у входа в кофейню, и смотрел на Дарью. Он пришёл сюда не случайно. После вчерашнего разговора с Андреем он провёл всю

ночь, собирая информацию. Узнал, в какой клинике она наблюдается, у какого врача. Узнал, что у неё сегодня плановый визит. И пришёл.

Он не собирался подходить — не после того, как она вчера выплеснула на него столько гнева. Он просто хотел убедиться, что с ней всё в порядке. Но то, что он увидел, заставило его замереть.

Она вышла из клиники и сразу же сломалась. Он видел, как она прижалась к стене, как задрожали её плечи, как она поднесла телефон к уху. Он видел, как она плакала.

Его сердце сжалось с такой силой, что перехватило дыхание. Он хотел броситься к ней, обнять, сказать, что всё будет хорошо. Но он знал, что она оттолкнёт его. Что его появление только усилит её боль.

Поэтому он остался стоять, наблюдая.

Когда Дарья ушла, Кирилл пересёк улицу и вошёл в клинику. Он поднялся на третий этаж, нашёл кабинет, в который она заходила, и постучал.

— Войдите, — раздалось изнутри.

Игорь Петрович поднял глаза от бумаг, когда в кабинет вошёл незнакомый мужчина в дорогом пальто. Врач сразу заметил, что это не простой посетитель: осанка, манера держаться, часы на запястье, которые стоили, наверное, как вся его аппаратура.

— Чем могу помочь? — спросил он, откладывая ручку.

— Меня зовут Кирилл Белозерский, — представился мужчина, протягивая визитку. — Я по поводу вашей пациентки, Дарьи Соколовой.

Игорь Петрович насторожился:

— Мы не разглашаем информацию о пациентах.

— Я понимаю. И я не прошу нарушать врачебную тайну. Я... друг Дарьи. Мы не виделись много лет, и я не знал о её болезни. А теперь узнал.

Кирилл помолчал, собираясь с мыслями.

— Я видел, в каком состоянии она вышла из клиники. Я хочу помочь. Я оплачу операцию. Скажите, сколько это будет стоить?

Врач пристально посмотрел на него. В его глазах мелькнуло сомнение.

— Это очень дорого, — медленно произнёс он. — Восемь-десять миллионов рублей. Плюс реабилитация и послеоперационное наблюдение — ещё около миллиона.

— Двенадцать, — отрезал Кирилл. — Я дам двенадцать. Или сколько потребуется. Это не имеет значения.

Игорь Петрович снял очки и потёр переносицу.

— И вы хотите сделать это... анонимно?

Кирилл кивнул:

— Она не примет мою помощь. По крайней мере, сейчас. У нас... сложная история. Она злится на меня. Справедливо злится. Но я не могу смотреть, как она теряет зрение, когда у меня есть возможность это предотвратить.

— Это благородно, — произнёс врач задумчиво. — Но Дарья — гордая женщина. Если она узнает, что деньги от вас, она может отказаться.

— Поэтому я и прошу вас о конфиденциальности. Вы можете предложить ей эту операцию как... как оплаченную анонимным благотворителем. Есть же фонды, которые так делают?

— Есть. Но обычно они не оплачивают всю сумму сразу. И Дарья может начать задавать вопросы.

— Пусть задаёт. Вы просто скажете, что нашёлся анонимный меценат, пожелавший остаться неизвестным. Если понадобится, я оформлю перевод через подставное лицо или фонд. Я всё устрою.

Врач посмотрел на Кирилла долгим взглядом. Потом кивнул:

— Хорошо. Я помогу, чем смогу. Но вам нужно понимать: операция экспериментальная. Есть риски. Не факт, что она вернёт зрение на сто процентов.

— Я понимаю. Но это её единственный шанс.

— Её единственный шанс, — повторил Игорь Петрович. — И, вероятно, ваш единственный шанс искупить вину.

Кирилл криво усмехнулся:

— Я не надеюсь на искупление. Я просто хочу, чтобы она видела.

Он встал, попрощался и вышел из кабинета. В коридоре остановился у окна, глядя на серый город. Внутри него боролись противоречивые чувства: облегчение от того, что он может помочь, и страх, что его помощь отвергнут.

Но отступить он не собирался.

— Я вытащу тебя из этой темноты, Дарья, — тихо произнёс он, глядя на пелену октябрьского дождя, начавшего капать за окном. — Даже если ты будешь ненавидеть меня за это.

Глава 4. Анонимный жест

Дарья провела остаток дня в каком-то ватном оцепенении. Она вернулась домой, закрыла дверь на все замки, прошла на кухню и села на стул, не снимая пальто. Мысли ворочались медленно, как камни в холодной реке. Она смотрела в одну точку — туда, где, по её расчётам, находилось окно, — и ничего не видела. Да и не хотела видеть.

Телефон завибрировал. Она вздрогнула, выныривая из оцепенения. На экране высветился незнакомый номер. Дарья нахмурилась: обычно она не отвечала на незнакомые звонки, но сегодня всё было иначе. Вдруг это из клиники? Вдруг что-то изменилось? Она провела пальцем по экрану, поднесла трубку к уху.

— Алло? — её голос прозвучал хрипло.

— Дарья, это я. Кирилл.

Внутри всё оборвалось. Она резко выдохнула, будто её ударили под дых.

— Что тебе нужно? — спросила она ледяным тоном.

— Послушай, пожалуйста, не бросай трубку. Я просто хочу поговорить.

— А я не хочу, — она собиралась нажать отбой, но он заговорил быстрее:

— Я знаю, что ты была у врача. Знаю про диагноз. Про операцию.

Дарья замерла. Её пальцы так сильно сжали телефон, что пластик жалобно скрипнул.

— Ты что, следил за мной? — в её голосе зазвенела ярость.

— Нет, я... я просто волновался. Я видел, как ты выходила из клиники, и решил узнать, что случилось.

— Решил узнать? — она горько рассмеялась. — Это не твоё дело, Кирилл! Моя жизнь — не твоё дело!

— Дарья, я могу помочь. Я хочу помочь. Пожалуйста, позволь мне...

— Помочь? — она почти выплюнула это слово. — Чем? Деньгами? Ты думаешь, что можешь просто появиться через семь лет и заплатить за моё зрение, как за вещь, которую можно купить?

— Я не это имел в виду...

— А что? Что ты имел в виду, когда исчез? Что ты имел в виду, когда не отвечал на мои сообщения? Что ты имел в виду, когда обещал позвонить и не позвонил?!

Она уже не говорила — кричала. Слезы снова подступили, но она сдержала их усилием воли.

— Я виноват, — тихо сказал он. — Я знаю. Но сейчас речь не обо мне. Речь о твоём зрении. О твоей жизни. Ты не должна терять её из-за моей вины.

— Это не твоя забота. У меня нет денег, и это моя проблема. Я не приму от тебя ни копейки. Никогда.

Она нажала отбой и бросила телефон на стол. Сердце колотилось так, что, казалось, готово выпрыгнуть из груди. Дарья обхватила голову руками и застонала.

Почему он не может просто исчезнуть снова? Почему его появление совпало именно с этим моментом, когда она и так на грани?

Телефон завибрировал снова. Она не посмотрела на экран. Просто нажала на кнопку и отключила звук. Потом встала, сняла пальто, бросила его на спинку стула и пошла в ванную. Умылась холодной водой, стараясь смыть с лица следы слёз и усталости. Не помогло.

Ночью она лежала без сна, глядя в тёмный потолок. В голове крутились цифры: десять миллионов, полгода, полная слепота. И его голос: «Я хочу помочь». Она ненавидела этот голос. И одновременно не могла выбросить его из головы.

На следующий день Кирилл снова стоял перед дверью её квартиры. На этот раз он приехал с утра, рассчитывая застать её до работы. Он звонил в дверь — тишина. Стучал — тишина. Соседи выглядывали, но он не обращал внимания.

— Дарья, открой! — он повысил голос. — Я не уйду, пока ты меня не выслушаешь!

Ответа не было. Только тихое гудение лампы в подъезде. Кирилл прислонился лбом к двери и закрыл глаза. Он чувствовал, как внутри нарастает отчаяние. Она не хочет его видеть. Не хочет слышать. И он не может её винить.

Он простоял так, наверное, полчаса. Потом достал телефон и набрал номер Игоря Петровича.

— Это Кирилл Белозерский. Мы разговаривали вчера.

— Да, я помню, — голос врача звучал настороженно.

— Она отказывается со мной разговаривать. Не подпускает. Но я хочу, чтобы операция состоялась. Вы можете предложить ей оплату от анонимного благотворителя? Как мы договаривались.

— Я могу попробовать. Но, как я уже говорил, Дарья может заподозрить неладное. Она умная женщина.

— Пусть заподозрит. Главное, чтобы она согласилась на операцию. А с остальным я разберусь.

В трубке повисла пауза. Потом врач вздохнул:

— Хорошо. Я вызову её на приём завтра. Скажу, что появилась информация о возможном финансировании. Но если она спросит, кто платит, я не смогу врать слишком убедительно.

— Просто скажите, что это анонимный меценат, который пожелал остаться неизвестным. Если она надавит, скажите, что вы не имеете права разглашать. Этого достаточно.

— Ладно. Я позвоню вам после разговора с ней.

Кирилл отключился и медленно спустился по лестнице. В груди было тяжело. Он понимал, что идёт на обман. Но другого пути не видел. Если она не примет его помощь лично, пусть примет её через третьих лиц. Главное — спасти её зрение.

Дарья пришла в клинику на следующий день после обеда. Её вызвали неожиданно — сказали, что появилась важная информация. Она не знала, что думать. За ночь она не сомкнула глаз, перебирая в голове возможные варианты: вдруг нашёлся фонд? Вдруг государство выделило квоту? Вдруг произошло чудо?

Но она запрещала себе надеяться. Надежда ранила сильнее, чем отчаяние.

Игорь Петрович встретил её в кабинете, предложил сесть. Дарья опустилась на стул, положила трость на колени. Внутри всё дрожало.

— У меня для вас хорошая новость, Дарья, — начал врач, и его голос звучал мягче обычного. — Вчера со мной связался человек, который хочет оплатить вашу операцию.

Она замерла. Сердце подпрыгнуло к горлу.

— Что? Кто?

— Он пожелал остаться анонимным. Я не могу назвать его имя. Но деньги поступят на счёт клиники в течение нескольких дней. Мы сможем начать подготовку к операции уже на следующей неделе.

Дарья не верила своим ушам. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Она покачала головой:

— Анонимный благотворитель? Откуда он узнал обо мне? Кто он такой?

— Он узнал о вашей ситуации от общих знакомых, — осторожно произнёс врач. — Это всё, что я могу сказать.

Но Дарья уже поняла. Внутри неё всё похолодело. Слишком много совпадений: вчера у неё был разговор с Кириллом, сегодня врач сообщает о загадочном меценате. Она сжала губы в тонкую линию.

— Это Кирилл, да? — спросила она резко. — Это он вас попросил?

Игорь Петрович замешкался. Этого хватило, чтобы Дарья окончательно убедилась.

— Я не могу обсуждать...

— Не лгите мне, — перебила она, и её голос дрогнул. — Я знаю, что это он. Он звонил мне вчера, предлагал помощь. Я отказалась. И теперь он хочет обмануть меня?

— Дарья, послушайте...

— Нет, это вы послушайте! — она вскочила со стула. — Я не приму его денег! Слышите? Ни за что!

Она схватила трость и направилась к двери. Врач попытался её остановить:

— Дарья, подождите! Вы не можете отказываться из-за гордости! Речь идёт о вашем зрении!

— Я лучше ослепну, чем приму от него хоть рубль! — бросила она через плечо и вышла, хлопнув дверью.

В коридоре она остановилась, тяжело дыша. Слезы текли по щекам, но она не обращала внимания. Внутри бушевала буря: гнев, обида, унижение. Он думает, что может купить её прощение? Думает, что деньги всё решат?

Она спустилась на лифте, вышла на улицу и быстрым шагом пошла прочь от клиники. Трость стучала по асфальту, как молоток. Она не знала, куда идёт, просто шла вперёд, подальше от этого места.

Кирилл узнал о случившемся через час. Игорь Петрович позвонил и усталым голосом сообщил:

— Она догадалась. Отказалась. Очень эмоционально. Сказала, что лучше ослепнет, чем примет вашу помощь.

Кирилл стоял у окна своей квартиры, сжимая телефон так, что побелели костяшки пальцев.

— Проклятье, — прошипел он. — Что она сказала?

— Сказала, что не примет от вас ни копейки. Вышла из кабинета. Я пытался её остановить, но...

— Я понял. Спасибо, доктор. Я разберусь.

Он отключился и швырнул телефон на диван. Внутри всё кипело. Он злился не на неё — на себя. За то, что загнал её в угол. За то, что она теперь чувствует себя униженной. За то, что его «помощь» превратилась в очередную рану.

Но сдаваться он не собирался.

Вечером он поехал к её дому. Знал, что это глупо, что она снова прогонит его, но не мог сидеть сложа руки. Он должен был хотя бы попытаться объяснить.

Приехал, когда начало темнеть. Октябрьский вечер был холодным, с неба сыпался мелкий дождь. Кирилл поднялся на её этаж, остановился у двери и позвонил.

Тишина.

Он позвонил ещё раз. Потом ещё. Потом постучал.

— Дарья, я знаю, что ты дома, — сказал он громко, но не крича. — Пожалуйста, открой. Давай просто поговорим. Я не уйду.

Из-за двери не доносилось ни звука. Но Кирилл чувствовал, что она там. Возможно, стоит совсем близко, прислушиваясь.

— Дарья, я знаю про операцию. Про то, что тебе нужны деньги. Я не пытаюсь купить тебя. Я просто хочу, чтобы ты видела. Понимаешь? Чтобы ты снова могла видеть мир.

Он говорил в дверь, и слова казались ему самому жалкими. Но он продолжал:

— Я виноват. Я знаю. Я не имею права просить тебя о чём-то. Но не наказывай себя из-за моей вины. Не лишай себя зрения только потому, что ненавидишь меня. Пожалуйста.

Тишина.

Он прислонился лбом к двери, закрыв глаза. Внутри всё сжалось. Если она не откроет, что ему делать? Оставить её? Отступить? Нет, он не может.

Внезапно дверь распахнулась. Дарья стояла на пороге, но не отступила в сторону, а загродила проход. Глаза её были красными от слёз, но взгляд — насколько он мог различить её лицо — был твёрдым.

— Что ты хочешь? — спросила она холодно. — Ещё раз попытаться навязать мне свои деньги?

— Нет, — он выпрямился. — Я хочу, чтобы ты позволила мне помочь.

— Я уже сказала: нет.

— Почему? Потому что это я? Или потому, что ты боишься?

Она усмехнулась, и в этой усмешке было столько горечи, что у него защемило сердце.

— Боюсь? Чего мне бояться? Ослепнуть? Я к этому уже привыкла. А вот быть обязанной тебе — нет. Не хочу.

— А кто говорит об обязанности? Я не прошу ничего взамен. Просто прими помощь. Ты можешь ненавидеть меня сколько угодно, но не отказывайся от операции.

— Ты не понимаешь! — выкрикнула она, и голос её сорвался. — Для тебя это просто жест, способ успокоить совесть! А для меня — унижение! Ты исчез, не звонил, не писал, а теперь появляешься с пачкой денег и думаешь, что всё исправишь?

— Я не думаю, что всё исправлю. Но я не могу смотреть, как ты теряешь зрение, когда у меня есть возможность это остановить.

— А кто дал тебе право смотреть? — её голос задрожал от ярости. — Кто дал тебе право вообще появляться в моей жизни? Ты никто для меня, Кирилл! Слышишь? Никто!

Эти слова ударили его сильнее, чем он ожидал. Он отшатнулся, будто его ударили по лицу.

— Дарья...

— Уходи, — сказала она, и в её голосе прозвучала смертельная усталость. — Просто уходи. Я не приму твои деньги. Не приму твою помощь. И не хочу тебя больше видеть.

Она отступила назад и захлопнула дверь. Щёлкнул замок.

Кирилл остался стоять в коридоре, глядя на закрытую дверь. В груди было пусто и холодно. Он медленно сполз по стене вниз, пока не оказался сидящим на полу. Он не знал, сколько так просидел — минуту, пять, десять. Звук дождя за окном казался оглушительным.

Наконец он поднялся, провёл ладонью по лицу и пошёл к лестнице. Он не собирался сдаваться. Но сегодня он уйдёт. Даст ей время остыть. А потом найдёт другой способ.

— Я не отступлю, — прошептал он, спускаясь по ступеням. — Слышишь, Дарья? Я не отступлю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.